

АНДРЕЙ НО

СУБЪЕКТ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1c
паблшинг

Андрей Но
Субъект. Часть вторая
Серия «New Sci-Fi (1С)»
Серия «Субъект», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48794994
Андрей Но. Субъект. Часть 2: 1С-Пабблишинг;

Аннотация

Прошло три месяца. После конфликта в лаборатории с плачевным исходом, Айсберг почему-то больше не дает о себе знать. Перед героем открывается масса обольстительных возможностей, пробуждаются его сумрачные амбиции, ведь он – повелитель материи...

И излюбленным предметом для экспериментов становятся человеческие мозги.

Тем временем, сам герой становится излюбленным предметом следственного комитета, что подозревает его в убийствах.

Айсберг же затаился лишь на время и вынашивает план захвата «субъекта». Для этого у героя, получившего сверхспособности, нужно найти слабое место. И такое находится...

Читайте вторую часть литературного сериала «Субъект».

Содержание

Глава 17. Особые привилегии	5
Глава 18. Благое дело	18
Глава 19. Нордреналин или что-то еще	38
Глава 20. Амнистия	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Но

Субъект. Часть 2

© Андрей Но 2016

Глава 17. Особые привилегии

Прошло три месяца с момента, как я со спецэффектами покинул Айсберг. К слову, вопреки ожиданиям, Айсберг не давал о себе знать. Поначалу я это расценивал как затишье перед бурей, но шторм все не наступал. Учебный семестр мне все же удалось благополучно завершить, торжественно перейдя на следующий курс. Лектор по нейрофизиологии исчез без каких-либо объяснений свыше, а его пост занял некий замухрышка с пресным лицом и вводящей в транс речью. А мой сосед по коммунальной квартире, судя по всему, нашел весьма приличную работенку, что было заметно по разительным метаморфозам его имиджа, по его сменившемуся поколению девайсов, а также по его превосходному настроению и расположению духа при принятии совместных решений в быту.

Сам же я сейчас нигде не работал, так как свои взгляды на это окончательно пересмотрел. Да, действительно, со своими сверхспособностями я мог очень далеко пойти, притом практически в любой сфере. На этом фоне быть обычным психотерапевтом казалось уже не таким интересным.

Скажем, я мог бы оглушительного успеха достигнуть в спорте. В футболе я обрел бы титул **Волшебная бутса** – звание, что было бы окутано мистическим туманом, не дающим возможность объяснить точность, с которой бы я пи-

нал по мячу. А какие бы у меня были крученые... Люди бы попросту смирились со сказкой, разыгрывающейся прямо на глазах, когда мяч всегда заканчивал бы свою дугу в сопернических воротах или же он бы немного замедлялся, совсем чуть-чуть, но вполне достаточно, чтобы дать фору реакции вратаря, играющего за мою команду.

Точно та же ситуация могла бы меня ждать и в баскетболе, где я бы наверняка вошел в историю за счет своих невероятно метких бросков в кольцо из совершенно любой позиции.

А благодаря моим усилиям в гольфе наверняка бы уже где-нибудь через десяток лет в Зале Славы располагался ценный раритет – клюшка, с которой я бы не сделал ни единого промаха. Клюшка, которая на протяжении многих лет творила чудеса, бесспорно, не относящиеся к заслугам человека. Ведь человеку, как принято считать, свойственно хотя бы иногда ошибаться...

Боулинг, теннис, толкание тяжелого ядра и все остальные виды спорта, в которых весь смысл сгущался вокруг конкретного предмета, с которым надо было ловко обращаться, были подстроены под ограничения в возможностях человека. В каждой из этих игр присутствовали никем не прописанные правила по умолчанию, которые все равно никто не смог бы нарушать. Правила, выдвинутые самой природой.

Нигде не доводилось до сведения перед началом Олимпийских игр – **Не меняйте траекторию полета мяча** или **Не управляйте мыслями вашего соперника**. Было оче-

видным, что это все равно нельзя было осуществить. Игроки могли лишь задавать первоначальный импульс, в котором бы сосредотачивали весь свой опыт, координацию, заданную степень силы и точку ее приложения. Я же мог позволить себе жульничество самого высшего порядка – самое наглое и, в то же время, самое неуловимое, не подлежащее рассмотрению в жюри.

Но самых выдающихся наград, хоть и не таких прибыльных, как в популярных видах спорта, я бы добился, выступая акробатом. Нет, моя прыгучесть осталось неизменной, чувство реакции – прежним, а боязнь за сохранность своей шеи стала даже чуточку сильнее. Однако, чисто теоретически, я ведь мог бы подхватывать или подталкивать в воздухе самого себя. Хоть это и было довольно травмоопасным.

Ведь мысленно захватив свою часть тела, например, ступню и зафиксировав ее на месте в пространстве, я мог бы остальным телом сместиться относительно нее, вывихнув конечность с мясом.

Так что, подобное кукловодство требовало необычной согласованности движений моего тела и движений материи, из которой мое тело состояло. А согласовалось бы это все сознательным отделом мозга, который от подобной мультизадачности по умолчанию стремится увильнуть...

А если не говорить о спортивных наградах, то я мог бы промышлять жульничеством и во многих других сферах развлечения, в том же казино. Или же я мог бы вообще не за-

морачиваться и направиться напрямик к банкомату, да найти в нем отворяющий дверцы механизм. Мог бы, но что бы тогда на них купил из того, что теперь мог беспрепятственно брать сам?

Когда же я взялся фантазировать за пределами собственных хотелок, мне на ум сразу же пришла работа хирургом. Со своим даром я мог бы стать единственным в своем роде хирургом, которому удалась бы любая операция без предварительного вскрытия. В области устранения инородных тел и закупорок в сосудах, приводящих к микроинсультам, мне не было бы равных. И мое молниеносное самоизбавление от камней в желчном пузыре являлось тому красноречивым подтверждением.

Или я мог бы быть единственным в мире анестезиологом, что не использовал опиоид. Ведь я мог попросту пресекать несущие сигналы от болевых рецепторов, не давая тем дойти до головного мозга. Ну а что касалось диагностических мероприятий, этих неприятных процедур, начиная от вредного рентгена и доходя до омерзительного введения зондов – во всем этом отпала бы необходимость, если бы на сцену вышел я – со своей алиеноцепцией и умозаключениями, выстроенными на основе полученных от нее данных.

Также я мог бы с головой нырнуть в геологические страсти и полностью настроиться на поиск залежей драгоценного металла и редких минералов – ведь я беспрепятственно заглядывал туда, куда остальные дотягиваются лишь кончи-

ком экспертного предположения.

Это были честные, не вызывающие внутренних терзаний виды деятельности, в которых был, пожалуй, всего один общий нюанс, что начисто перечеркивал все грезы. Людям или, как минимум, коллегам по работе, пришлось бы столкнуться с малообъяснимой правдой, о которой непременно все зажужжат и обязательно все испортят. К тому же обязательно всплывет дело об убийстве, что позволит следователю официально объявить меня врагом народа. И изготовят мне тогда индивидуальный изолятор, в котором я буду гнить. Или снова попаду в Айсберг, но в этот раз уже под одобрительные аплодисменты толпы.

Кроме моего друга и исследователей Айсберга, про меня больше никто не знал. Все свои фокусы, находящиеся на грани волшебства, я разыгрывал только перед самим собой. Или, время от времени, незаметно использовал их в быту.

Теперь я никогда не промахивался в урну, чем заслужил уважение соседа, что завтракал теперь на кухне вместе со мной, а не у себя, закрывшись в комнате, как обычно. Когда же его не было, случалось и так, что урна сама пододвигалась, подставляясь под криво летящий в нее мусор. Так же меньше промахов я стал допускать и со своим временем.

Не то чтобы способности сделали меня педантичнее. Просто ради экономии времени я порой менял саму реальность под себя. На светофорах преждевременно загорался зеленый цвет, заставляя водителей в смятении бить по тормозам, а

пешеходов растерянно следовать за мной, уверенно идущим и даже не сбавившим скорости шага перед автомагистралью, как если бы знал...

Откуда он мог знать? – менее чем на секунду задумывались особо наблюдательные люди, а затем их подхватывала нетерпеливая толпа, и они тут же забывали про меня и про этот сбой в муниципальном устройстве.

Точно так же эти люди сами успокаивали себя простым и тривиальным объяснением, когда в метро, прямо на их глазах, закрывающиеся дверцы электропоезда при виде бегущего к ним меня резко замирали, как если бы наталкивались на невидимую руку, услужливо выставленную поперек.

Сбой... Совпадение... – решали они про себя, после того как дверцы за моими вздымающимися плечами запоздало схлопывались, и поезд трогался в путь.

А на особо скучных лекциях, что грязным приемом руководства назначались на самый конец дня, когда практически все учебное заведение пустовало, я прибежал к не менее грязному приему, переводя стрелки на часах в аудитории вперед. По возможности и для более убедительных ощущений запутанности во времени, я переводил стрелки и на наручных часах преподавателя – благо, они были механическими, – а также на запястьях некоторых студентов, чья бесхитрость и стремление к порядку оказывались несовместимы с моим желанием ретироваться домой пораньше. К счастью, большинство всегда оказывалось – хоть и не подо-

зрелая об этом – на моей стороне, цепляясь за любой, даже за самый абсурдный повод, чтобы, наконец, уйти.

Но самым запоминающимся событием стал инцидент с ублюдком с дрелью. Все с тем же неугомонным человеком, который уже через месяц после случая с полтергейстом оклемался, купил на смену поломанной дрели новую, еще громче, и возобновил свои ремонтные работы. Это было солнечным и безмятежным утром, когда я разводил чай – свою любимую температуру я, кстати, теперь определял на глазок, по инфракрасным градиентам. В уши тогда вторгся этот нестерпимый, словно зубная боль от пародонтита, звук дрели.

Скрипнув зубами, я тогда выскользнул в общий тамбур нашего этажа и направился напрямиком к распределительному щиту. Именно в тот день я неожиданно для себя раскрыл новую грань своих возможностей – локально повышать температуру.

Чем обширней был участок, в котором я разгонял частицы, тем сильнее на лоб лезли глаза, и тем слабее подлетала общая отметка температуры разогреваемой зоны материи. Хоть это действие и казалось относительно простым на фоне моих остальных фокусов, на деле оно заставляло изрядно попотеть, ведь движение частиц должно было быть асинхронным, а это значит, что здесь была важна вовсе не мощность сократительных сигналов, а их количество. Требовался выходящий за рамки мультизадачный контроль и дьявольская переключаемость внимания.

Тем не менее, простояв напротив щитка около десяти минут, я сделал его недоступным. Осуществив точечную сварку в нескольких местах состыковки дверцы с самим щитком, я добился ее полной неподвижности. Более того, нельзя было сказать со стороны, что дверцу преднамеренно приварили. Сварку я произвел в тех местах, до которых, с точки зрения здоровой физики, нельзя было добраться, не преодолев при этом наружные слои металла. Убедившись, что вскрытие щитка теперь под силу только спецслужбам, я вернулся к себе в квартиру и, осторожно защелкнув замок, сделал завершающий, прощальный штрих в своем коварном плане – выключил все рубильники за щитом, что подавали электричество конкретно в квартиру убудка.

Дребезжание дрелью тут же прекратилось, и за стеной слышались ругательства. Далее убудок вышел в тамбур, подошел к щитку... В общем, спокойствия в тот день так и не наступило. За дверью до самого вечера слышались взбешенные голоса, приезжали службы МЧС и циркулярной пилой вскрывали запаянную дверцу. Конечно, причина этой загадочной проблемы так и не была разрешена, не помог даже профессиональный взгляд экспертов. Однако каждый из собравшихся наконец рассмотрел нарушителя спокойствия вблизи. Если раньше все по отдельности лишь ограничивались проклятиями вслепую, то сейчас им выдался шанс окружить его кольцом и вынести ему единогласно принятые предупреждения. И в тот самый день убудок действительно

был не в своей тарелке, и это было заметно – в особенности мне, разглядывающему его через стены и ткани организма. Я очень надеялся, что после этого скандала он образумится и не будет продолжать будить лихо в моем лице...

С этого сравнительно недавнего момента, когда я безнаказанно воздал ублюдку по заслугам, в моей голове поселилась навязчивая мысль. Она буквально не давала мне уснуть, усугубляя и без того имеющиеся со сном проблемы. А ведь я уже и позабыл, каково это – уступать разливающейся тяжести в мозгах и расслаблять мышцы. Все, что осталось от обычного, здорового человеческого сна – это ленивая полудрема. На некоторое время я растворялся в ней, в этом дрейфе вялотекущего сознания. Но уже через пару часов активность моего мышления сама по себе возобновлялась, отряхивалось от оцепенения тело, меня начинали раздражать окружающие звуки – при их отсутствии или вегетативном контроле их распространения, раздражало уже само положение тела: чесался нос, затекали руки, щекотали неизвестно откуда вылезшие мысли и тому подобное. Я недовольно разлеплял глаза, будь то ночь или только накрапывающий полдень, и возвращался к своим делам, оставленным накануне медитации. Иным словами, кроме как кратковременная медитация, иначе назвать это было нельзя.

Но после того сымпровизированного плана мести, мне больше не удавалось спокойно дрейфовать, лежа в своей полудреме. Всю эту медитацию сбивала навязчивая мысль.

Осознание того, что я могу делать практически все, что угодно и с кем угодно.

И за это мне не будет абсолютно ничего.

Если не давать поводов для подозрения, я буду оставаться безнаказанным всегда. А даже если кто и заподозрит или, если доведется, увидит, он все равно не поверит своим глазам.

Вседозволенность, с которой нельзя было бороться.

Если у отменного бойца чешутся руки, то что чешется у того, кто властвует над материей? Что бы это ни было, оно зудело. Это стало наваждением, маниакальным состоянием. Почти всю свою сознательную жизнь я, по тем или иным причинам, всегда был вынужден мириться с несправедливостью вокруг. Надо признать, не я один.

Для сохранения чувства собственного достоинства люди еще издавна стали оправдывать свои уступки, поражения и терпение от безысходности какими-то явно притянутыми за уши признаками эталонного поведения человека разумного.

Разумно, говорили они, не придавать значения оскорблениям, демонстративному неуважению к себе, ведь сопротивление здесь было равноценно уподоблению тому, с кем конфликтуете.

Мудро, утверждали они, подставлять правую щеку под удар, предварительно получив оглушительную пощечину по левой.

Не было ничего уничижительного в том, чтобы с размаху рухнуть лицом в грязь, ведь это, по сути, даже считалось бо-

евым крещением, не иначе как преодоленным порогом навстречу взрослой жизни, где ущемление чьего-либо достоинства воспринималось как само собой разумеющееся естество.

Однако все это было лишь психологической самозащитой. Все это было амортизацией для спотыкающегося эго, когда единственным способом борьбы с необоримым было расслабление и принятие происходящего как данность. В особо запущенных случаях – как благодатная данность свыше, как необходимость, требуемая для возвышения духа и закаливания тела.

Но стоило бы только кому-нибудь из них приобрести окрыляющие привилегии, стоило кому-нибудь из них почувствовать хотя бы малейшую ненадобность во всем этом маскараде с толерантностью, гуманностью и мягким сердцем, как сразу бы все это благодущие смело. Вся уязвляемая годами суть человека вылезла бы наружу. Его жизненные позиции сразу бы стали четче, слова и мнение – смелее, идеи – анархичнее. Реакция на неуважение к себе – вспыльчивее, а последующая расплата – радикальнее. Изначально мир выстраивался именно по этим понятиям, какими бы дикими они сейчас, в нашем современном и запутанном мире не казались.

А иначе отчего бы мы так ярко испытывали желание мстить, отстаивать свою позицию, обозначать всем свое место. Эти побуждения были рациональным изобретением са-

мой природы.

Но, несмотря на эту правду и откровенно дразнящий шепот моего эго, я не хотел привносить в наш и без того хрупкий мир беспредел. Я не хотел связываться с тем, в чем сам до конца не разбирался. Я не желал свергать мировой порядок. Да и не смог бы, если бы хотел...

Все же мои возможности не были настолько безграничны. Пока что не были... Их границу я сейчас страстно желал узнать.

Периодически до моего окна, преимущественно в темное время суток, долетали зычные выкрики местных маргиналов или их бессвязная, но оттого не менее агрессивная речь между собой или же обращенная к прохожим, которые на них косо посмотрели.

Сколько себя помню, мое лицо всегда неудержимо кривилось, стоило мне только услышать или увидеть эту чернь. Теперь же мне стоило больших усилий ничего не предпринимать. Я их не знал. Я не мог ничего сделать этим людям до тех пор, пока не убедился бы, что они этого точно заслужили.

За моим окном сгущались сумерки. Где-то внизу, неподалеку, тишину прорезал чей-то непотребно громкий рингтон мобильного телефона. А вслед за ним леденящий душу вой алкогольного вурдалака.

Я поморщился и жестом заставил захлопнуться окно. Эти обезьяны не опасны. Они, бесспорно, портят контингент, омрачают статистику благоустроенности районов, но все же

не они моя мишень. Но выстрелить в кого-нибудь мне все же очень и очень хотелось...

А что если я предотвращу какое-нибудь преступление? Что может быть лучше силы, использованной во благо и по всем канонам справедливости? Что ж, видимо в этот раз моим колпачком от ручки побудет здешний криминалитет.

Глава 18. Благое дело

Я с воодушевлением подскочил с кровати, и начал собираться. Мой гардероб был очень скудный, поэтому выбор пал на толстовке с капюшоном, чей сливающийся с тенью бордовый цвет отлично дополнял потертые и выцветшие джинсы.

Это, конечно, не героическое трико с олицетворяющей меня эмблемой в центре паха, – усмехнулся я про себя, зашнуровывая ботинки. – Но для экспериментальной вылазки вполне подойдет.

– Ты куда?

Дернувшись от неожиданности, я оглянулся. В дверях второй комнаты стоял сосед.

– Куда? – повторил он и, неумело улыбнувшись, добавил: – Ведь все уже закрыто. Ты же в магазин?

– Да, – невнятно буркнул я. – Я пойду в круглосуточный.

– Тогда мог бы и сахар прихватить?

– Не вопрос, – отозвался я и поплелся к холодильнику – оценить, что необходимо в нем восполнить.

Почти все отсеки были забиты новыми, разномастными контейнерами соседа. Теперь он не скупился ни на что. И уж тем более на контейнеры для пищи, которыми он наверняка хотел предотвратить это непонятное, преждевременное разложение пищи. В очередной раз я мельком опробовал их на свой алиеноцептивный зуб и снова невольно подивился.

Некоторые из них и впрямь были склепаны добротной, ни одна бактерия сама по себе не просочится. **Сама по себе.**

Хорошая попытка, – с мрачным весельем подумал я. – Но все равно мимо.

Простояв еще с минуту перед открытым холодильником, я захлопнул дверцу. Все равно есть я не хотел. Но видимость инспекции необходимо было создать хотя бы для того, чтобы в голове соседа не возникало лишних вопросов.

Выйдя из подъезда и накинув капюшон, я неторопливо направился к своему любимому магазину. Новый дешевенький телефон, выпорхнувший из подземного перехода у перекупщика прямо ко мне в руки на замену конфискованному Айсбергом, я решил с собой не брать, так как, вероятно, он будет мне только мешать. На улице становилось все темнее, люди практически не попадались. Затихал ветер. Даже на мою походку сказывалась эта убаюкивающая и, в то же время, настораживающая атмосфера – шаги становились вкрадчивыми, кошачьими, а сам я весь превратился в слух.

Во всех дворах, что попадались по пути, было на удивление спокойно. Соседние же я поленился обходить, тем более что никакой людской активности там не ощущалось. В алиеноцептивном поле царил штиль.

Но подойдя ближе к центру города, я, наконец, стал улавливать эхо от выкриков местных пьяных свор.

Бредя вдоль спящей автомагистрали, я косился из-под капюшона через дорогу на разгуливающие компании молодых

и не очень людей. Все они были навеселе, вели себя раскрепощенно, порою даже непристойно, но послышное сканирование их одежды, карманов, состояния тела и настроения мозгов показывало, что они относительно безобидны. Максимум, что можно было от них ждать, это перестрелка бранью и давление на психику слабонервных. Встречались и одиночные, надувшиеся пива экзemplяры, которые шли молча и вразвалку, глядя встречным прямо в глаза, в надежде, что те дадут им повод крепко подраться.

Их страдающий от интоксикации алкоголем мозг – по их субъективным ощущениям, наоборот им освеженный, – утрачивал все смирительные и сдерживающие факторы поведения, оставляя лишь оголенный, застывший в похотливой позе, драчливый инстинкт. Благо, что хоть оставались некоторые понятия о логическом обосновании своих действий, и это единственное, что удерживало их от откровенного буянства, не требующего для своего высвобождения предлогов и весомых причин.

С другой стороны, сейчас я был немногим лучше них. Опьяненный, в свою очередь, чувством собственного превосходства над обычными людьми, я точно так же шел и выскивал себе повод. И было бы точно таким же натянутым предлогом с моей стороны использовать в качестве мишеней мужиков, что бродили и всем своим видом кланчили повод для драки. А потому их я, хоть и скрепя зубами, брезгливо обходил стороной.

До магазина оставался всего один квартал, а мне по-прежнему так никто и не попался. Откуда же под утро выходит столько сводок новостей о поножовщине и перестрелках, где гибнут ни в чем неповинные люди? Я уже было махнул рукой на эту затею, как в поле зрения возникли они.

Трое невысоких, но плотно сбитых мужчин с неприветливыми лицами шли в сторону местного ночного клуба. Их походка была сдержанной, невызывающей, торопливой, можно даже сказать, целенаправленной. Руки они держали в карманах, а глаза бегло и воровато озирались по сторонам. Изредка они обменивались негромкими репликами между собой, но что мне показалось особо подозрительным, так это особенности их желеобразной субстанции. У двух из них нижняя часть фронтальной зоны мозга – она же орбитофронтальная кора – светилась как-то иначе, не так, как я привык видеть у подавляющего большинства людей. Насколько мне было известно, именно она позволяла ощущать ржаво-металлический привкус предположительных последствий в случае, если человека охватывало зло и противозаконные намерения. Также мне не понравился размер их миндалевидного тела – у всех троих оно было крохотным и недоразвитым, что с большой точностью позволяло мне предположить о врожденном хладнокровии его носителей. Эти люди были психопатами. В их мозгах отсутствовал барьер соперничества, и наверняка им была неведома мораль. И они явно куда-то торопились. В их головах был сформирован некий план.

Не поднимая голову вверх, я ловко увернулся от сигаретного окурка. В тот же момент где-то наверху, в верхних этажах послышался звон разбивающегося стекла и сдавленный крик. Кажется, это балконное окошко без видимых причин вдруг закрылась, разбившись о лоб невоспитанного курильщика...

Тем временем я уже обогнул угол дома и продолжал следовать за этими людьми.

Да, так и есть. Психопаты направлялись напрямиком в клуб. Они скрылись за дверью цокольного этажа, но заходить следом я не торопился. Я ждал, пока охранник осмотрит их и одобрит пропуск. Главное правило преследователя – не попадайся преследуемому на глаза более одного раза. Выждав с минуту, я зашел.

– Сколько лет? – бесцветным голосом спросил громила на лестничном пролете.

– Двадцать два, – ровно ответил я, позволяя тому пробежаться ладонями по моей одежде.

– Выглядишь младше, – нагрубил он, но все же сдвинулся с прохода.

Ничего не ответив, я молча толкнул дверь в клуб. И тут же скривился от ударных волн здешней музыки. Да и музыкой это язык не поворачивался назвать. С моей вывернутой наизнанку точки зрения, выглядело это весьма слуходробительно – акустическое цунами, вместо того чтобы ласково обволакивать людей, врзалось в них, разбрызгиваясь, слов-

но о скалы.

Вообще, сама по себе музыка – это не игра на барабанах, клавишах и струнах. Это игра на личных ассоциативных образах в мозгу слушателя. Чем распространеннее и понятнее была азбука оперируемыми ассоциативными образами в голове музыканта, тем больше шансов у него было заполучить успех на эстраде для ширпотреба. И наоборот, чем проще был арсенал звуковых ассоциаций у слушателя, тем легче ему было угодить.

Но то, что мне довелось увидеть здесь, уже никак не относилось к игре на ассоциациях. Тягучий и буквально расшатывающий материю инфразвук – в данном случае именуемый басами – разрушал всю нервную систему присутствующих, отчего те входили в так называемый транс. Но разумеется, этот транс был результатом обширных сбоев в системе восприятия, отчего мозги попросту начинали плыть. Дешевенький кайф, стоящий в одном ряду с занюхиванием клея.

Как уже можно было догадаться, клубные вечеринки я не переносил. В один миг облачившись в акустические доспехи, я стал неторопливо пробираться среди брыкающихся людей на танцполе. Это было очень непривычным ощущением – проталкиваться среди людей, вне всякого сомнения, шумящих и плещущихся в бассейне, заполненном инфразвуком, но при этом не слышать ничего. Как если бы все это происходило под водой, и максимум, что можно было услышать – это словно бы елозящие по мокрому стеклу огромные тряп-

ки.

Внезапно меня кто-то дернул за плечо.

– Браток! Ты что, не слышишь меня, что ли?! – хамовато протянул какой-то доходяга, нагло осматривая меня. – Я тебя спрашиваю...

Не дослушав, я дернул плечом, стряхивая его руку, и стал протискиваться дальше, опасаясь забыть и утратить из виду памятный эскиз тел тех троих.

– Слышь, браток, кому говорю?! – возмутилось быдло, снова цепляясь за мое плечо.

Я повернулся к нему с перекошенным лицом и сделал хватательный жест навстречу его грудной клетке. Воздух с резким свистом вырвался из его рта и носа.

– Я не браток тебе, сука, – отчетливо прошипел я прямо в его сипящее лицо. Разжав его скукоженные до предела легкие, я поспешно нырнул в толпу, чтобы не навлекать на себя внимание рядом с судорожно откашливающимся парнем. Но, судя по всему, этого никто даже и не заметил.

Наконец, я учуял знакомую фигуру в конце зала. Пробравшись ближе, чтобы опознать зрительно, я чуть не натолкнулся на две другие. Они заказали себе у барной стойки три бутылки пива и ушли к своему товарищу.

Оценив обстановку, я решил, что наблюдать за ними, не вызывая при этом подозрений, будет проще всего именно у барной стойки. Тем более что возле нее сидела откровенно разодетая женщина. По-видимому, местная стриптизерша,

коротающая перерыв. Она свысока поглядывала на мужчин в зале, а некоторых одаривала располагающей улыбкой.

Я глянул в полоску зеркала за спиной бармена, отыскал взглядом себя. Моя небрежно всклокоченная шевелюра в самом деле выглядела как-то по-подростковому, наверняка поэтому охранник у входа усомнился в моих словах.

Неожиданно волосы на моей голове зашевелились – змеясь и извиваясь, они сформировывались в укладку. Наконец, они замерли в хоть и благовидном, но довольно-таки противоестественном виде, как если бы были зафиксированы литрами лака, воска или геля. Но при всем этом моя прическа не отсвечивала фальшивым глянцем, как это бывало у фотомоделей или слащавых щеголей. Ненатуральная натуральность – вот на что это было похоже. Профессиональный парадокс в глазах искушенных в парикмахерском искусстве. Таковой эта женщина, надеюсь, не являлась. Хотя... пусть даже и так. Тем проще будет найти тему для разговора...

Сев на табурет рядом со стриптизершей, я стал невозмутимо разглядывать клочок пространства между ней и теми подозрительными мужиками. Стриптизерша бросила на меня роковой взгляд, затем он опустился на мою одежду, и на ее губы тут же напозла умилительно-снисходительная усмешка.

– Не пойму, это тоже часть твоего выступления или это ты просто так красиво сидишь? – поинтересовался я.

Польщенно улыбнувшись, она закинула локоть на стойку

и подперла ладонью свой висок. Водопад сожженных перекисью патл растекся по ее холеному предплечью, ниспадая до самого подножия белоснежной впадины локтя. Невольно засмотревшись, я спохватился, что изменяю своему первоначальному плану.

– Если начну манерно оттопыривать мизинец, когда пью, то считай, что выступаю, – наконец томно прошелестела она, изящно пригубив из трубочки в стоящем рядом с ней бокале. – От такого зрелища мне заказывают все новые и новые коктейли, лишь бы не прекращала...

– Здорово ты владеешь своим мизинцем, – одобрил я. – Но знала бы ты, что я могу, оттопырив палец...

– Это про какой палец идет речь? – со смешком округлив глаза, она кивнула куда-то в район моего пояса. – Уж не про этот ли?

– Нет, не про этот, – мотнул головой я и подергал мизинцем так, будто играл им на струне гитары, и одновременно с этим, в такт движениям моего пальца, ей в лицо полетели брызги из ее же бокала.

– Это что за фокус? – отдернулась она.

– Это не фокус.

– Ну-ну, – неуверенно выдавила она. Ее лицо утратило весь лоск и обаяние, теперь она смотрела на меня настороженно. – А с ним так можешь? – то ли в шутку, то ли всерьез она кивнула в сторону бармена.

Оглянувшись через плечо и поймав на себе выжидающий

взгляд бармена, я серьезным голосом ответил:

– Разумеется, могу, – тем же движением пальца поманил его к себе. Недовольно сверкнув глазами, он направился к нам. – Вот видишь.

– Нет, не так, – уточнила она. – Ты что ли как-то заранее спланировал свой трюк?

Не успел я ответить, как подошел бармен.

– Что будем пить?

– Она хочет коктейля, – распорядился я. На лицо стриптизерши набежала довольная ухмылка. Наградив меня холодным прищуром, она пригубила глоток только что приготовленного для нее напитка.

Тем временем я посматривал в затемненный уголок зала. Троица взволнованно – если, конечно, к их патологически хладнокровному темпераменту было возможно применить подобный описательный термин – что-то обсуждала. Но что конкретно они испытывали сейчас, разобрать мне было сложно. Слишком хаотично искрилось и мерцало заполненное громкой музыкой пространство. Более того, я почему-то продолжал подвергаться пагубному воздействию мощной пульсации басов. Как будто часть нейтрализуемой волны звука все же просачивалась сквозь доспехи и долетала до моих ушей. Я уже хотел было сосредоточиться на этой неожиданной проблеме повнимательнее, как стриптизерша решила напомнить о себе.

– Кстати, ты же оставляешь официантам чаевые?

– Что? Да. Когда как...

– А я вот нет. Это глупо, – уверенно заявила она.

– Почему же?

– Потому что бессмысленно, – ее лицо посерьезнело. – По своей работе скажу... Со временем это становится рутинной. И все эти улыбки, благодарные взгляды клиентам – тоже просто рутина. А ведь именно ради благодарной улыбки дают чаевые, да? Большинству ведь нравится думать, что официант их не забудет до самого конца смены. А то и дольше. В моем случае все, конечно, по-другому, – она деловито усмехнулась. – Некоторые стараются дать даже больше остальных, чтобы мне было их легче запомнить и, быть может, даже полюбить, ха-ха... И конечно, в моих интересах им подыгрывать. Это спорт, – она покосилась на проходящего мимо бармена. – И потому я не даю им чаевых, ведь они в любом случае меня даже не запомнят...

– О чем-то подобном я подозревал, – насупленно пробормотал я, косясь на трех психопатов, что внезапно встали из-за стола и пошли на выход. – Мне пора, – бросил я стриптизерше, соскользнув с табурета. – Было приятно пообщаться.

– Эй, парень, – бросил мне вдогонку бармен. – А кто платить будет?!

Я пожал плечами.

– Коктейль хотела она, а не я.

– Козел! – крикнула мне вслед девица. Но я уже исчез в зарослях живых и извивающихся растений на танцполе.

Внезапно музыка стала невыносимей. Акустические доспехи завибрировали на другой лад, что явно свидетельствовало о смене играющего трека. На потолке зажглись разноцветные светодиоды и тут же принялись с бешеной скоростью иссекать своими лучами всех присутствующих. Началась адская светопляска. К моему горлу стал подкрадываться предупредительный комок.

Отвернувшись и зажмурившись насколько это возможно, я что было сил ухватился за кренящееся равновесие моего сознания.

Очисти свой разум! Очисти свой разум! – судорожно думал я, но перед внутренним взором все продолжали плясать эти огни. На спине выступил холодный пот. – *Не смогу!*

Не открывая глаз и не поднимая головы, я ринулся вслепую к туалету. Еле успев добежать, я тут же захлопнул дверь и съехал по ней вниз, повиснув на ручке. Мою шею и правую руку свело в судороге. Челюсти самовольно стиснулись. Я буквально чувствовал, как перекосилось все лицо от напряжения.

Полностью потеряв контроль над мышцами, я грохнулся на грязный пол, и меня начало трясти. Последнее, что мне удалось увидеть перед тем, как глаза застлала эпилептическая поволока – это быстро разрастающаяся трещина на туалетном зеркале...

– Жив? – затормошил меня кто-то. Расклеив глаза, я увидел над собой немолодое, уставшее, но крайне взволнованное лицо, обрамленное креплением от каски. – Ноги чувствуешь? Носилки! – гаркнул спасатель в зияющий дверной проем туалета. Приподняв с кряхтением голову, я посмотрел туда, но проем был задернут пылевыми шторами. Приглядевшись, я увидел оставшийся на нижней петле огрызок от двери. Основная же ее часть укрывала мои ноги.

– Что здесь... – ошеломленно прохрипел я.

– Землетрясение, – выпалил спасатель. В проеме появился его напарник с носилками в руке.

– Я встану, – решительно прокряхтел я, неуклюже выбираясь из-под двери. – Все в порядке.

– Скорее на выход, – скомандовали мне и повлекли за собой на выход.

Ковыляя за ними, я исподлобья оглядывал разрушенный зал. Над барной стойкой просел потолок, засыпав все полонившимися кирпичами, арматурой и разодранным линолеумом из квартиры сверху. Танцпол усеяла разбитая светодиодная установка. Под ногами скрипели осколки стекол и бутылок.

– Да уж, – протянул я. – Вот так землетрясение.

– Ты еще не видел здание снаружи, – бросил мне через

плечо спасатель. – Не мешкай, нужно эвакуироваться отсюда как можно скорее. Сейсмические толчки могут возобновиться.

Выйдя на покосившийся лестничный пролет, мы взобрались по спущенной с поверхности лестницы из пожарной машины – изначально присутствовавшие ступени, ведущие в клуб, провалились под землю. Вокруг здания стояли обеспокоенные люди. Каждый был одет в то, в чем его застал мой эпилептический припадок. Некоторые женщины истерически рыдали. Парни матерились. Район оцепила стоянка из полицейских и пожарных машин, нагнетающе завывали сирены от фургонов скорой помощи. Само же здание – трехэтажная постройка – выглядело, как картонная коробка, по которой нанесли удар ребром ладони. Крыша посередине осела, влекомая вниз огромной трещиной обрушившихся стен третьего и второго этажей подъезда. Под покореженной рамой окна на первом валялся чей-то сломанный диван, а совсем неподалеку – обломки развороченного пианино.

– Кто-нибудь пострадал? – сглотнув нервный комок, спросил я у того самого спасателя, что нашел меня в туалете.

– Да, тридцать шесть пострадавших, – хмуро отрапортовал он. – Но все живы. Благо, что амплитуда толчков нарастала постепенно. Многие успели выбежать еще до всего вот этого, – повел рукой он в сторону обнажившихся провалов в некогда сплошной стене дома, а затем, что-то горько буркнув, он отвернулся и ушел к своей команде.

Я снова посмотрел на руины здания. Вот тебе и предотвратил преступление. Откуда вообще во мне столько сил? Это действительно ужасный побочный эффект моего заболевания. Мне было стыдно и страшно.

Попятившись, я покинул кольцо стенающих над трагедией людей. Меня знобило от холода. Голова раскалывалась от боли, а запах пыли едко пощипывал легкие. Стоп!

Как это возможно?!

Я переключился в другой режим восприятия, и тут же мир, как дифференцированная гамма тонко различающихся расцветок, померк, но тотчас засветился уже как иерархия делящих между собой пространство сил, скоростей и плотностей, заключенных в населяющих его предметах. Переметнув внимание на воздух вокруг себя, я впал в ступор. Он своевольно облегал мое тело недисциплинированным туманом, обволакивал по тому же независимому и беспристрастному принципу, как и все остальное твердое и жидкое в поле моего чутья.

Я сосредоточенно отправил ему рой гневных сократительных сигналов, которые он вот уже столько месяцев слушал беспрекословно... Но не сейчас. Стихия воздуха осталось безучастной. На меня не реагировал даже жалкий комок газа. Чуть ли не плача от отчаяния, я властно вытянул скрюченные пальцы к окурку на земле, но он не сдвинулся даже на наноединицу.

Моя рука бессильно упала вниз, а глаза стали круглыми и

недоверчивыми, как у кота, обманутого игрушечной мышью. Вот и наигрался. Кажется, сказка подошла к концу на самом интересном месте. Стряхнув с капюшона бетонные крошки, я накинул его на голову и, ежась от озноба, понуро поплелся к себе домой.

* * *

По-крайней мере, алиеноцепция осталась на своем месте, и потому я отважился заглянуть внутрь самого себя, чего никогда не решался делать раньше. Не то чтобы я был нелюбопытен. Однажды я уже пробовал, но испытал паническую атаку. Засмотревшись тогда на свой ритмично мерцающий продолговатый мозг, я чуть не поперхнулся, а дыхание выбило из груди, и все словно перевернулось вверх дном. Аналогично, как и с падением во сне, в тот раз я подскочил и стал судорожно хватать ртом воздух.

Но сейчас необходимо было осмотреть новообразование возле прецентральной извилины, по словам ученых, опосредующее мне дистанционный контроль над всем. Понять, из-за чего произошла поломка.

Даже не сбавляя шага по дороге, я углубился в самого себя. Да, вот она, прецентральная извилина, что в фоновом режиме сейчас контролировала мою ходьбу. Справа от нее был кучный нарост. В плане активности он был безмолвным. И каким-то перекошенным. Как будто фибриллярные ни-

ти этого слизеподобного комка съежились, сделав его ассиметричным. Логично предположить, что во время моего инфарктального припадка он перенапрягся, и произошел сбой. Внутренний разрыв? Как же мне искоренить эту неполадку, и обратима ли она вообще?

Ответов я не знал, тем более что я поймал себя на еще одной, не менее любопытной мысли.

Я смотрел на свой мозг посредством усилий своего мозга и не видел... себя. Пресловутого сознания не было нигде, и мне, как наблюдателю своего мозга, что мог рассматривать его со всех сторон, не удавалось при смене позиций усмотреть плетущийся хвост за своим **Я**. В самом деле, а что есть **Я**? Где и чем я, зритель, был в этот момент?

До обретения способности к алиеноцепции мое **Я**, как ощущение местоположения сознания в пространстве, всегда безвылазно сидело внутри черепа, словно в стеклянном аквариуме. Ведь где же еще быть сознанию, если не в самих мозгах – в его источнике. Но сейчас я смотрел на свою же черепную коробку с содержимым со стороны, словно джин – на свою медную лампу.

Стало быть, местоположение сознания всегда было обусловлено сосредоточенностью на каком-либо ощущении в теле, будь то зуд в пятке или та же боль от внутримышечного укола в ягодицу. Можно таким образом перенестись в пальцы своей руки, скажем, когда на ощупь в темноте пытаешься определить чеканку маленькой монетки...

В этом случае **Я** как бы временно переносится туда и остается там до тех пор, пока увлечено единственно этим процессом. Но стоит только задуматься о чем-то второстепенном – хотя бы просто нечаянно открыть глаза или даже просто отметить то, что они у тебя закрыты – как ощущение переселения **Я** в руку ускользает.

А так как в моем случае я мог чувствовать – хоть и не так остро, как части своего тела – части окружающей материи, то формально я мог перемещаться своим сознанием туда. Вовне. В любую точку. Подобные ощущения я испытал еще в тот самый раз, когда посредством ватных палочек общался с другом, будучи запертым при этом в едущем автомобиле. Но тогда я почему-то не придавал этому значения.

Выходит, лектор все же была права в том, что **Я** живет, только пока живы наши ощущения. И ведь она была в этом убеждена, даже без возможности подтвердить свое высказывание сверхъестественным экспериментом.

Идя по темной подворотне, я был настолько поглощен решением этого философского вопроса, что для меня стал совершенной неожиданностью удар под правое ребро.

Грубо вышвырнутый из размышлений, я согнулся пополам от потрясшей меня боли, но все же инстинктивно успел отпрыгнуть. И правильно, так как следом в крутом вираже просвистела мимо грубая подошва кирзового ботинка.

Подняв взгляд, я узнал рябую физиономию одного из тех трех психопатов. С левой стороны, пресекая пути к бегству,

шоркнул по асфальту второй.

– Ну че, вынюхиватель, попался? – прогнусавил тот, что меня ударил.

– Кхм, – прокряхтел я, придерживая ноющий бок. – Мне заняться что ли нечем?

– Гонит, – уверенно пробасил второй, мордой скорее напоминающий бульдога, чем человека.

– Вы о чем?.. Я просто приходил потанцевать... Как и все...

– Да? – неожиданно из тени появился третий так, что полоска сумрачного света от дальних фонарей скупно озарила его облик. Грубо высеченное лицо, с маленькими, близко посаженными черными глазками. – Вот только на танцполе что-то я тебя не видел. Сидел и пялился на нас.

– Вынюхиватель, – подхватил рябой.

– Да-а-а, – протянул второй. – Нас предупреждали. Но этот полный идиот.

– Как и вся их диаспора – кучка безмозглых крыс, – завелся рябой, ощерив свои неровные зубы. – Покромсаем одного и отправим остальным, чтобы не дергались.

– Кларету его покажем, – отрезал третий, преградив жестом руки дернувшегося ко мне рябого. – Вызывай машину. А я его пока усмирю.

Я взметнулся влево и, даже не пытаясь просочиться сквозь вереницу их распростертых рук, попросту взбежал прямо по телу второго. Тот подобного не ожидал и оттого

рухнул, когда моя нога наступила ему на грудь, а вторая уже перемахивала через его бульдожью голову.

Повалившись на землю вместе с ним, я по инерции кувыркнулся и уже почти вскочил, чтобы сделать самый быстрый забег в своей жизни, как на меня накинулся тот рассудительный психопат. Началась ожесточенная борьба в партере. Ухватив его за нерасчетливо торчащую левую кисть, я стал ее изо всех сил выламывать на себя, в надежде, что ослабнет его загребущая хватка правой, и он утратит доминантную позицию. Но тот был весом вдвое больше меня, поэтому даже не пикнул. Вместо этого он сделал удушающий перехват, обхватив своими ногами мои бедра.

Кровь подкатывала к моим глазам. Я хрипел, но продолжал бороться, расшатывать тело, пытаюсь уловить брешь в устойчивости его позиции. Борец внезапно заревел и поднажал в своем удушающем усилии так, что в моих глазах окончательно наступила крошечная темнота. Прошло каких-то две секунды, тянущиеся целую вечность, и мое тело бесконтрольно обмякло.

Глава 19. Норадреналин или что-то еще

Ноздря брезгливо дернулась, уловив шибящую вонь спирта. Попытавшись отвернуться, я почувствовал стеснение в затекшей шее, в спине, в руках, заведенных за нее... Мои руки!

Дернув ими, я ощутил неприветливый холод металла на своих запястьях. Цепь наручников была пропущена под стальной рейкой над основанием стула, не давая возможности с него встать. Приоткрыв опухшие веки, я разглядел стоящего передо мной человека в длинном домашнем халате. В левой руке он держал бутылку с егермейстером, горлышко которой совал мне прямо под нос, а в правой был опущен шестизарядный револьвер. Глаза его слегка косили врозь.

– Ну? – поинтересовался он. – Как аромат, что скажешь?

Из моего горла вырвался сип, связки ожгло болью.

– Тысяча девятьсот семьдесят шестой год, – гордо произнес он и хлебнул прямо из бутылки. Скривившись и взревев от удовольствия, добавил. – Боже... Я помню этот год... Тяжелые были времена... Только основывал свой бизнес... Одногодка, да...

Еле ворочая глазами, я осмотрел помещение. Просторный зал, заставленный дорогостоящим, но безвкусно подобран-

ным имуществом. Томно-малиновый цвет обоев создавал в периферии моего обзора иллюзию залитого кровью лица. С кричащим бахвальством нависала со стены медвежья пасть, раскрытая в беззвучном и навсегда застывшем крике.

Напротив меня, в углу возле двери, на нецелесообразно роскошном диване с позолоченными и декоративно выточенными подлокотниками небрежно развалились кряжистые мужички в спортивных костюмах. Справа же, ближе ко мне, облокотившись на длинный шифоньер, скучал тучный амбал с широким тупым носом.

Тот, что разговаривал со мной, производил здесь впечатление самого старшего и главного, что подтверждалось как его наплевательским прикидом, так и сединой во всклокоченных волосах. Под его носом угадывались пятна беловой пыли. По-видимому, это и был тот самый Кларет.

– Сбыт огнестрела, затем... потом... потом, – его лицо искажилось, глаза зажмурились, он прижал бутылку к виску, будто у него началась мигрень. Нависла пауза.

– Бизнес! – выкрикнул он, наконец, как на викторине. – Да! Бизнес, мать его... Все нормальные идут в бизнес... И этот, как его... Букмекерство! Да ведь это невинная сфера, безобиднее только стрижка газона, – возмущенно забубнил Кларет, поставив бутылку на столик в центре зала. – Никого не насилуем... Не притесняем! Вот хоть бы раз, – неожиданно взгорячился он, поднеся к моему лицу сомкнутые пальцы. – Хоть раз бы тронул кого пальцем. Хоть раз бы кого...

Раз бы тронул кого... Хотя раз бы тронул кого па... – его взгляд снова остановился, а голова закачалась в такт слышимой только ему песни. – Раз бы кого... Хотя раз бы кого... Хотя раз бы тронул кого па... Ац!

Хлопнув рукой с зажатым револьвером по той, что держал у моего лица, он крутанулся на каблуках и энергично притопнул ногой туда-сюда, будто неожиданно оказался на танцполе.

– С ума сойти, видали? – с ошалевшим лицом обратился он ко всем, – это вообще как?!

Сидевшие на диване осторожно перекинулись взглядами.

– И додумался же, твою мать, не думать, – Кларет рассеянно уселся на столик рядом с бутылкой. – Не думать... Додумался... об этом... Вот, что я хотел сказать! – он махнул револьвером в сторону сидящих, что тут же напряженно вжались в диван. – Что я хотел сказать?

– Вы додумались, – сглотнув, подал голос один из мужичков. – Не думать об этом...

– Да! – воскликнул Кларет. Вскочив со столика, он склонился надо мной, дыша едким перегаром. – Так вы что, спрашиваю... Не можете угомониться, да? Какого черта роете под нас, а... – он порывисто схватил увесистую бутылку за горлышко и нанес удар бутылкой наискось по моей щеке. Половина лица взорвалось болью и занемела.

Ох, тварь, что бы я сейчас с тобой тут сделал, будь в порядке мое новообразование в двигательной коре...

Кларет еще хлебнул егермейстера и, запрокинув голову, оглушительно рыгнул. Затем стал неторопливо вышагивать вокруг столика, покачивая головой, как если бы разминал шею перед поединком.

– Вы не того поймали. У ваших людей сыграла паранойя, – зло прохрипел я. – Мало ли кто на кого смотрит. Разве я похож на разведчика?

– Ты? – его глаза округлились, тут же закатились, и он встряхнул головой. – Не... Нет, ты что... Такого сопляка никто и не заподозрит...

– Бред, – сдержанно процедил я, настраиваясь на психотерапевтический лад. – Вы готовы спихнуть свои подозрения на кого угодно, лишь бы поскорее испытать облегчение от якобы разрешившейся проблемы, что не давала вам спокойно жить. Я вас понимаю. Но все же я не тот, кого вы пытаетесь поймать. Вы только зря тратите на меня время.

У Кларета отпала челюсть.

– Нет, ты видел? – обомлевшим голосом он бросил через плечо сидящим на диване. – Ты видел, как языком чешет, а? Это ж вообще все объясняет.

– Я почти поверил, – одобрительно прогудел громила у шифоньера. – Заливает тут, ты смотри-ка...

Зал наполнился гулом грубых насмешек.

– ...видите только то, что хотите увидеть...

– А давайте-ка друженько заткнемся! – рявкнул Кларет. Беспечное выражение лица сменилось на безжалостную гри-

масу. – Сейчас ты либо говоришь мне, ничего не упуская, что вы там готовите для нас, либо...

Его пальцы на рукоятке револьвера побелели, а рука задрожала.

– Я пришел в клуб потанцевать и... – начал я, но тут Кларет с размаху жестоко ударил мне кулаком в лицо. Жалко хрустнули кости носа. Голова от удара мотнулась, потянув вслед за собой тело, отчего стул опрокинулся назад. Упав, я вдобавок приложился затылком своей многострадальной головы об пол, а руки грубо отдавило спинкой стула.

Я почувствовал, как в носоглотку стягивается струйка крови. Закашлялся, опасаясь задохнуться. Присутствующие улюлюкали и заливались скотским смехом. На какой-то момент мне показалось, что кровь самопроизвольно отступила обратно в устье носа, обеспечив проходимость дыхательным путям.

Кларет схватил меня за волосы и, чуть не сорвав скальп, вернул вместе со стулом в сидячее положение.

– Ты как? – с пугающе искренней участливостью поинтересовался он. – В порядке?

Нет, я явно был не в порядке. Нечеловеческая ненависть клокотала внутри меня, грозясь разорвать сдерживающий кокон плоти. В мой нос снова прилетел удар, но в этот раз кулаком свежего, очищенного от алкогольного амбре воздуха. Контроль над материей, по неизвестным мне причинам, возвращался.

– А знаешь... – начал Кларет, задумавшись над чем-то. Его большой палец медленно взвел курок на револьвере. – Я вот что решил... Не хочу с тобой возиться, понял? Так и передай им... Что тут еще сказать, – он направил дуло мне в висок. – Не ту работу выбрал ты, салага.

Остальные напряженно замерли, амбал справа отвернулся. Я глянул горящими ненавистью глазами поверх дула револьвера:

– А ты – не ту мишень.

Глаза Кларета недоверчиво округлились. Револьвер, зажатый в его кисти, стал мелко подрагивать. Тот дернул рукой, но она будто приклеилась к пистолету и чуть ли не самому ключку пространства, в котором он его держал. Выглядело это крайне неправдоподобно. Его кисть будто застряла в тисках, а пальцы ни в какую не хотели разжимать рукоять оружия.

Внезапно пистолет круто развернулся дулом к самому стрелку. Развернулся столь резко, что его кисть, хрустнув, как сочное яблоко, вывихнулась. Но пальцы при этом не разжались, так как теперь составляющая их материя принадлежала моей воле, и потому я их крепко держал сомкнутыми на рукоятке, даже несмотря на их неестественный перегиб. Одновременно с этим неслышно хлопнули сухожилия в предплечье.

Кларет страшно закричал, в ужасе обхватив второй рукой не слушавшееся его предплечье. По комнате пронесся

недоуменный возглас – мужички взволнованно подскочили со своего дивана, не зная, как это все воспринимать. Палец, лежащий на спусковом крючке, в последнем усилии согнулся, порвав удерживающую его нить сухожилия. Оглушительно грянул выстрел, оборвав все непрекращающийся вопль стрелка. Голова Кларета разлетелась на куски, похожие на недо конца обглоданные корки от арбуза.

Ряды подпружиненных штифтов в замковом механизме наручников разом поджались, каждый до упора своего собственного гнезда. Цилиндры синхронно повернулись по часовой стрелке, и браслеты безропотно соскользнули с моих запястий.

Оставшиеся в комнате уже успели оклематься от секундного замешательства. Руки тех двух, что стояли возле дивана, метнулись за оружием в карман, а амбал справа выхватил из ворота своей кожанки ножик.

Взмах! Столик из тяжелого дуба отбросило, словно от взрыва, прямо навстречу уже успевшим выстрелить обидчикам. Приняв все до одной пули, столик с грохотом разлетелся об стену, размозжив грудные клетки и головы стрелявших.

Взмах! И дернувшегося ко мне амбала с силой впечатало в сервант.

Разбив собой почти все стеклянные полки и посуду, он, оглушенный и с застрявшими в нем осколками, вывалился обратно, но устоял, покачиваясь на подгибающихся ногах и

пытаясь нащупать меня непонимающим взглядом.

Взмах! Я обрушил на него весь шифоньер. Со сдавленным криком громила исчез под грудой увесистых обломков.

По коридору ко мне уже спешили трое. Дождавшись, когда один из них подбежит к самой двери, я гневно выбросил вперед ладонь, отдавая не подлежащий обсуждению приказ открыться.

Толстая дверь врезалась и сломалась надвое о лоб подбежавшего к ней первым. Тот, рефлекторно схватился за провалившийся в затылок лоб и безобидным мешком осел на ковер.

Следом, в открывшийся проем, влетел второй, но замер на полушаге с заевшей в локте рукой, как робот, у которого неожиданно сели батарейки. Только выпученные глаза сохранили движение – они сместились на стоявшего посреди разгромленной комнаты человека с окровавленным лицом и сверкающим взором.

Человек резко зачерпнул ладонью воздух, будто рассеивая дым, и тут же за этим последовала ужасающая боль. Грудная клетка ввалилась внутрь, руки, сломанные и вывихнутые, поджались к телу, а голова, хрустнув в шее, прильнула виском к опавшему плечу. Ужасно смятый, словно пустая жестяная банка из-под газировки, он завалился на край дверного проема и стал по нему медленно съезжать.

В мозгах полыхнуло усталостью. Я чувствовал себя так, будто после умственно напряженного рабочего дня меня раз-

будили посреди ночи и выпроводили на работу снова.

Встряхнувшись и оттолкнув с дороги все еще стоявший труп, я выскочил из гостиной и, не дав опомниться третьему, что было сил вдарил ему кулаком в лицо. Того отшвырнуло вслед за своей же бритой и вывихнутой головой к стене, как тряпичную куклу, а моя кисть захлебнулась болью.

Черт, – мысленно крикнул я, охватив второй рукой кричащее запястье. – *Вот это боль! Вот это сила. Священная норадреналиновая¹ ярость или что-то еще...*

Не успев додумать, я обернулся. На меня, с обезумевшим взглядом и бильярдным кием в замахнувшейся руке, бежал рябой. Поднырнув под его чересчур размашистый удар кием, я оказался позади него и той же рукой нанес ему фатальный удар прямо в хребет. Рука провалилась в тело, словно в льняной мешок, набитый хворостом. Его позвоночник переломился, и он, согнувшись в туловище пополам, как несовершеннолетняя художественная гимнастка, безмолвно кувыркнулся мне под ноги.

Рука горела, локтевой сустав ныл, костяшки пальцев вибрировали болью, а мышцы, эти пружины, что заставляли выстреливать моим кулаком, словно из пушки, предупреждающе подрагивали. Поддавшись яростному норадреналиновому ражу, я нанес удар по воздуху, но в этот раз уже более внимательно прислушиваясь к ощущениям. Меня чуть ли не

¹ Норадреналин – биохим. Стрессовый гормон, предшественник адреналина, проявляющийся чувством ярости и вседозволенности.

утянуло вслед за кулаком.

Да, так и есть.

Новообразование моего двигательного отдела – реанимированное, по всей видимости, ударом в лоб – рефлекторно снабжало каждый мой удар дистанционным импульсом вдогонку, отчего сила моих движений многократно преумножалась. Своего рода экзоскелет, форсирующий телодвижения, что дополняет и существенно усиливает всю биомеханику тела, но при этом совершенно невидимый, невесомый, в принципе отсутствующий и проявляющий себя только по мере надобности. И самое главное, мне не нужно было сознательно им управлять! Все происходило автономно, в тон моему желанию!..

Как воочию я увидел под собой, сквозь пол, бегающих в суматохе на первом этаже остальных членов бандитской группировки. Они оперативно расхватывали с полок оружейного стеллажа автоматы, рожки с патронами, парочка натягивала на себя бронежилеты. Всего восемь человек, один из них уже с поднятым наготове пистолетом прислонился боком к двери и прислушивался к происходящему в доме. Он что-то крикнул и, не дождавшись ответа, выскочил под одобрительные кивки всех остальных к лестнице.

Я метнулся в другой край коридора, что заканчивался домашней библиотекой. На бегу просканировав помещение, я увидел в нем только одного – безмятежно и как ни в чем не бывало сидящего в кресле человека. Ворвавшись в библио-

теку, я узнал вожака той троицы, благодаря стараниям которого очутился здесь.

Он сидел с запрокинутой головой в кресле, возле него на журнальном столике лежали шприцы, зажигалка и усеянная темными разводами мельхиоровая ложка. Дернувшись от хлопнувшей об стену двери, он подскочил и уставился на меня с растерянным видом. Однако буквально уже через полсекунды его лицо перекосило злобой, и он с воем ринулся на меня.

Я властно выставил ладонь ему навстречу. Его позвоночник дернуло в обратном направлении. Не пробежав и двух шагов, он отлетел обратно в кресло, чуть не перевернувшись вместе с ним. Словив боевой кураж, я рванул с места к нему и, словно кавалерист на турнире, забежав сбоку, на полной скорости нанес удар кулаком прямо в его перекошенную морду.

Удар вышел настолько быстрым и сокрушительным, что его туловище даже не дернулось вслед за головой. В то же время в моих глазах взорвалась, по меньшей мере, атомная бомба.

Еле сдерживая крик, я покосился на свою правую руку. Под кожей торчала кость. Пальцы отказывались сгибаться. Глянув на перевернутую голову врага – смятую, висящую на шее, что как длинный носок обтягивала спинку кресла, я понял, что слегка переборщил.

В комнату вбежал разведчик в бронежилете. Окинув

безумным взглядом представшую перед ним картину, он молниеносно направил на меня свой пистолет и выстрелил. Толком не успев прийти в себя, я все же успел среагировать, дернув его дуло вниз буквально в самый последний момент.

Но полностью сбить прицел не удалось. Пуля вгрызлась мне в левое бедро, и я, дико закричав от животной боли, грубыми, хаотичными воздействиями перемешал мозги стреляющего в несовместимый с жизнью фарш. Нелепо всхлипнув и закатив подергивающиеся глаза, он ничком завалился на пол.

Не в силах превозмогать пульсирующие взрывы в окровавленной воронке на моей ноге, я, тяжело хватая ртом воздух, рухнул на рядом стоящее свободное кресло. Рухнул неаккуратно, задев правой рукой подлокотник, отчего перелом тут же перетянул одеяло моего воспаленного внимания на себя. Под ногами была заметна обеспокоенная перебранка, сразу начавшаяся после выстрела. Я больше не был способен давать отпор. Я был раздавлен, расплескан по стене, сломлен в прямом и переносном смысле.

Полностью переключив свое восприятие в алиеноцептивный режим, я с холодком заметил, как оставшиеся семеро уже готовы все разом броситься скопом на второй этаж. Они уже столпились у двери их оружейной, а их стихийный предводитель с дробовиком загибал пальцы, ведя обратный отсчет.

У одного из них в кармане жилетки угадывалась граната.

Также в стеллаже я заметил похожие контуры еще двух. Это можно было назвать везением. Прежде чем согнулся последний палец на руке считавшего, я успел задвинуть щеколду замка. Врезавшись в дверь плечом, предводитель озадаченно подергал ручку и хаотично полез по своим карманам искать ключ. В то же время самопроизвольно вылетели чеки всех гранат, что только находились в оружейной.

Кресло подо мной слегка подпрыгнуло, соседнее же с трюпом опрокинулось вовсе и скрылось под досками рухнувшего книжного шкафа. Стекла треснули, с потолочного бордюра посыпался песочек. В ушах стоял писк, а в ноздри стал просачиваться запах паленой проводки.

Я просканировал зону поражения. Завесу крошечного дыма и диспергированное облако бетонных крошек я как помеху не воспринимал. Разве что конвертируемое мозгом изображение было чуточку зернистее, чем обычно, как если бы оно было запечатлено на чересчур светочувствительную пленку. Вооруженных членов группировки, а точнее, их дымящиеся останки раскидало по всей оружейной. Комната была без окон, с толстыми опорами, наверняка только поэтому до сих пор я не провалился туда вместе с креслом.

Я облегченно выдохнул, но тут же меня перекосило от напавших о себе увечий. Отсюда следовало выбирать. Но как, если я даже сидеть без корчей не могу. Меня парализовывала боль.

А ведь ощущение боли было не более чем плодом мозго-

вой активности...

Как таковой, реальной и неотвратимой – ее, боли, не существовало. Источник всех страданий скрывался где-то в голове.

Однажды я уже задумывался о том, каким бы замечательным я мог прослыть хирургом и, по совместительству, анестезиологом. Мне не нужно было болеутоляющее, рентген. Сосредоточившись на нестройном хоре поющих о себе тканей в поврежденном бедре, я пережмнул все разорванные и кровоточащие сосуды.

Те же самые действия произвел и в правой руке. Впрочем, там уже наличествовал отек. С минуту рассматривая свой мозг, я так и не понял, где зарождалось болевое ощущение. Недолго думая, я попросту пресек несущиеся по магистральным нервам руки и ноги сигналы от ноцицепторов.

Будто яркое полуденное солнце, от которого не было возможности скрыть свои глаза, наконец, внезапно скрылось за плотной дождевой тучей. Лицо расслабилось, а тело непринужденно растеклось по креслу. Пальцы снова свободно шевелились, но, поелозив ими друг о друга, я не почувствовал ровно ничего. Точь-в-точь то самое состояние, когда наглухо отлежишь руку во сне. Дело в том, что болевые и тактильные сигналы используют одинаковый канал для передачи данных, собственно, поэтому мы интуитивно натираем ушибленное место, дабы интенсивностью тактильных ощущений вытеснить с нейронного шоссе болевой импульс.

Неловко поднявшись, я осторожно оперся на онемевшую ногу. Она послушно сгибалась, мышцы без колебаний сокращались, но при всем этом она была словно из ваты. Как будто чужой, не мне принадлежавшей. Болевые сигналы из поврежденных мест шли непрерывно, отчего акцент моего внимания должен был неусыпно находиться там, не позволяя тем приблизиться к спинному мозгу. Но в принципе, это не было настолько уж обременительным. Не сложнее, чем зажмурить один глаз и постоянно держать его закрытым.

Осторожно спустившись вниз, я мимоходом заглянул в ванную, чтобы осмотреться, умыться, в общем, наспех привести себя в порядок – не хотелось по пути домой снова быть перехваченным полицейскими.

Из зеркала на меня уставилось хмурое, в кровавых разводах лицо с перебитым носом. Стоило его только увидеть, как боль в поврежденном хряще тут же напомнила о себе. И этот сигнал, конечно, тоже можно было пресечь, вот только здесь он уже несся по черепно-мозговому нерву, в основе которого лежало гораздо больше функций, чем в спинномозговом. Если там у меня просто онемели части тела, то здесь вообще может перекосить лицо или, того хуже, нарушатся дыхательные рефлексы. Точных возможных последствий я не знал. Так что лучше потерплю.

Включив воду, я бережно стал отмывать лицо, то и дело чертыхаясь от неосторожных прикосновений к сломанному носу. Ополоснул шевелюру. Оттер следы кровавых ссадин на

костяшках кулака. Наскоро прошелся смоченным полотенцем по простреленному бедру.

Глянув на себя в зеркало еще раз, я испытал угрюмое удовлетворение. Ссутулившаяся, невысокая фигура, но плечи широки. Руки длинные, натруженные, а пальцы цепкие и узловатые, под ногтями запеклась кровь и грязь. Типичный люмпен после повседневной перепалки, такие встречаются повсюду. Другое дело – одежда. Темно-бордовая толстовка местами посвежела на пару тонов – ее залило кровотечение из носа, а также в ней застряло множество костных щепок от лопнувшей рядом со мной головы хозяина этого дома. Левая штанина джинсов была дырявой и буквально пропиталась темными пятнами. Скользя взглядом по узорчатой настенной плитке, я обнаружил что-то вроде гардероба на втором этаже, стоящего прямо за бильярдным столом.

Порывшись в нем, я отдал предпочтение длинному закрытому пальто, во многом потому, что оно скрывало все мои увечья и следы кровавой бойни на изначальной одежде. В одном из его глубоких карманов я очень кстати обнаружил солнцезащитные очки-авиаторы, которые аккуратно водрузил на свой опухший нос.

Уже на выходе я напоследок пробежался по своим ощущениям, послонно объявившим весь дом. На втором этаже остались выжившие. То есть, свидетели разыгравшегося на их глазах феномена, о котором, желательно, никто не должен был узнать. С подобными травмами, что были у тех двух,

разметавшихся в коридоре – перелом основания черепа у одного и разрушенные кости лица вкупе с вывихом шейного позвонка у другого – точно не стоило рассчитывать на нечто большее, чем летальный исход.

У третьего же – здоровяка с ножом, погребенного под обломками шкафа, увечья были не настолько уж страшны. Раздробленное плечо, потрескавшиеся, а местами даже вылезшие наружу из-за моего рывка ребра... Помутневшие на фоне здоровых частей тела ушибы... Замолкшая от внутреннего разрыва селезенка и неисчислимое количество мелких порезов от стекла...

Однако ритм его сердца был все так же непрерывен. Далекий, бесконечно слабый стук, доступный, вероятно, одному лишь моему чувствительному к любому возмущению в пространстве восприятию, он все же продолжал поддерживать в нем жизнь. Была в этом стуке марширующая уверенность и смотрящая далеко вперед надежда – то, чему я никак не мог позволить продолжаться.

Мое собственное сердце сжалось от сострадания. Я вспомнил, как он отвернулся с флегматичным выражением лица, когда Кларет наставил на меня свою пушку. Сочтем сей поворот шеи за автограф под фактом соучастия в зловещем преступлении, которому так и не довелось произойти. Уверен, если бы ему сказали, он бы прирезал меня без колебаний. Он заслуживает...

Горько зажмурившись, я, не сходя с порога дома, пробо-

роздил его продолговатый мозг одним коротким и грубым воздействием. Нитевидный пульс и призрачное дыхание тут же оборвались. В доме воцарилась кинетическая тишина.

Глава 20. Амнистия

На улице было раннее утро, кое-где уже пели серенады птицы. Выйдя во двор, я предположил, что нахожусь в загородном поселении. Коттедж за моей спиной был единственной разновидностью построек, которые можно было здесь найти. Предпочтение главы бандитской группировки жить подальше от чужих глаз в данном случае определенно сыграло мне на руку. Будь это, скажем, в центре города, то наверняка бы уже пришлось отбиваться от целой армии полицейских.

Приближаясь к воротам, я на всякий случай наострил свое демаскирующее чутье. После той засады в подворотне я теперь вообще больше ни шагу не ступлю без предварительного прощупывания территории на предмет угрозы. Вокруг меня копошилась всякая живность – от кольчатых червей в земле до трясущихся, словно в лихорадке, белок на деревьях, но нигде не было и намека на двуногую фигуру. Разве что вот этот странно разросшийся свиль на комле березы... Он рыхлее ее и неоднороднее... Секундочку!..

– Руки за голову! – выскочил из-за кустов березовый свиль, чудесным образом трансформировавшийся в сотрудника правоохранительных органов с револьвером девяти-миллиметрового калибра.

Ну как так! – раздосадованно подумал я, послушно заво-

дя руки за голову. — *Что же за ворона я такая...*

Не сводя с меня дрожащего прицела, ко мне подошло запыхавшееся, веснушчатое лицо, в глазах которого волнения было гораздо больше, чем отваги. Пистолет в его руках ходил ходуном. Из вполне обоснованных опасений за свою жизнь я взял под опеку своей воли его нервный палец, подрагивающий на спусковом крючке. На фоне общей тряски он этого даже не заметил. Он вообще наверняка был удивлен, что его колени до сих пор не подогнулись от перевозбуждения.

— Вы имеете право хранить молчание, — сбивчивым голосом начал он, выдергивая из своей штанины наручники. — Все, что вы скажете, будет использовано против нас. Вас! — поперхнулся он. — Также вы можете рассчитывать на адвоката. В случае если вы не способны его самостоятельно найти, мы готовы его вам предоставить, — закончил он тираду, защелкивая один браслет на моей левой руке, а второй — на своей собственной.

Пока он говорил, я раздумывал над тем, как от него избавиться. Разумеется, я не был готов полагаться на сомнительные услуги адвоката, тем более предоставленного ими же самими. Куда больше доверия у меня вызывали переговоры с материей напрямую и без посреднических структур. Но обижать этого парня я все же не хотел, тем более что отдаленно он походил на моего друга.

— А где твой напарник? — аккуратно спросил я.

Метнув на меня тревожный взгляд, он еще раз проверил

надежность замкнутых браслетов и пробежался рукой по моим карманам.

– Я патрулирую здешние окрестности в одиночку. Ни для кого не секрет, что за люди здесь заправляют. До меня доносится звук взорвавшегося снаряда. Что здесь произошло?

– Загляни, увидишь, – предложил я, кивнув в сторону дверей главного входа, сквозь притворную планку которых уже просачивался сизый дымок.

– Объясняться будешь не передо мной, – он толкнул меня к воротам. – Пошли.

Мы вышли на лесное шоссе. Спустя пару минут я рискнул поинтересоваться:

– А мы так и будем идти до участка?

– Машину я оставил в людном месте, чтобы не привлекать внимание здешних, – пояснил он. Через некоторое время его ходьба стала ровнее, а пистолет он спрятал в кобуру.

Дорога казалась бесконечной, и мне уже даже начало мерещиться, будто в мой левый ботинок затекает струйка жидкой улики, прямо указывающей на мою причастность к бойне в загородном коттедже.

Незаметным образом я сконцентрировался на своем поврежденном бедре, углубившись вниманием в его самую толщу. Пуля, оставшаяся в ране, сместилась от ходьбы, изуродовав четырехглавую мышцу еще больше, отчего, собственно, кровотечение возобновилось. Интересно, если прямо сейчас разжать ментальную хватку с хвоста ноцицептив-

ного сигнала – этот молодой и нервничающий коп пристрелит меня с перепугу от моего истошного крика?

Когда левый ботинок начал хлюпать, и я уже стал украдкой оглядываться по сторонам, мы, наконец, вышли на оживленную тропинку загородного парка. Ранние прохожие поворовски оглядывались на нас. Никогда я еще не был так зол на прохожих. Их вопрошающие взгляды прижигали, словно ватные палочки, смоченные жидким азотом. Расплываясь из-под своих очков улыбкой сливающейся со средой рептилии, я смиренно шел рядом с полицейским, стараясь соблюдать синхронность движений наших скованных цепью рук – так я пытался скрыть позорный статус задержанного...

– Вот мы и пришли, – констатировал полицейский, подойдя к своему автомобилю. Открыв дверцу, он потянулся к рации.

– Дежурный! – воскликнул он, прижав ее к губам. – Как меня слышно? Патруль сто семнадцатый, сектор двести тридцать семь, массовая перестрелка в доме! Повторяю! Перестрелка в доме, есть задержанный! Прием!

Рация зашипела в ответ:

– Ждите подкрепление. Ваше местоположение?

– Парк! – крикнул он. – В зоне отдыха, возле фонтана!

Пока он говорил, я беспомощно осматривался по сторонам. Надо спешить! Но вокруг было так много зевак, что исподтишка посматривали в нашу сторону. Что же такого сделать с этим неуклюжим патрульным, ведь он все-таки успел

уже меня как следует разглядеть. Даже если убегу, за мной вернуться по тем показаниям, которые он даст, поскольку он запомнил мое лицо...

Запомнил... Ну точно!..

Его воспоминания обо мне, да и вообще обо всем произошедшем за эти пятнадцать минут, еще не стали полноценными!.. Они не консолидировались.

Вдалеке послышались отзвуки многочисленных сирен. Я молниеносно сконцентрировался на содержимом черепа полицейского. Проворно опознал его раскинувшийся внутри мозга гиппокамп – кэш человеческой памяти. По идее, именно в нем сейчас теплились фрагменты недавно пережитых ощущений. Десятки миллионов нейронов запечатлели в себе, собой, своими положениями по отношению друг к другу набор увиденных картин, между которыми прямо сейчас образовывалась закрепляющая логическая связь. Каждый из нейронов, словно пиксель на экране, образовывал собой вместе с мириадами остальных своих собратьев четкое детализированное изображение, которое могло как стереться за ненужностью, освободив место для следующих впечатлений, так и законсервироваться на жестком диске долгосрочных воспоминаний.

Теоретически решение проблемы стояло за малым – деполяризовать все его нейроны в гиппокампе. Конфигурации нейронных сетей, в которых были запечатлены энграммы о недавно случившемся, вернуться в исходную. Форматируют-

ся. Грубо говоря, кадры нашего с ним приключения, что прямо сейчас обрабатывались в его голове – исказятся, если не исчезнут вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.